

**On the Common Turkic Literary Connections
(Chingiz Aitmatov and Mukhtar Auevov)**

Ukubaeva L.

**К вопросу об общетюркских литературных связях
(Чингиз Айтматов и Мухтар Ауэзов)**

Укубаева Л. У.

*Укубаева Лайли Укубаевна / Ukubaeva Laily - доктор филологических наук, профессор, декан,
гуманитарный факультет,
Кыргызско-Турецкий университет «Манас», г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: в литературоведении и критике в основном были прослежены связи творчества Ч. Айтматова с фольклором, рассматривалось влияние на него русской литературы, на втором же плане оказались вопросы влияния на творчество писателя литератур, культур, творческого наследия, истории, этнографии народов, близких по происхождению. Проблема взаимодействия и взаимовлияния традиций литературного наследия тюркоязычных народов, в частности, кыргызского и казахского, рассматривается на примере творчества Ч. Айтматова и М. Ауэзова. Огромна роль художественно-эстетического феномена романа «Путь Абая», отразившего в эпическом масштабе и с глубокой философской глубиной социально-экономическую и духовно-нравственную жизнь казахского народа второй половины XIX века в формировании творчества Ч. Айтматова. Это можно наблюдать, в первую очередь, в масштабном видении Айтматовым судьбы народа в различных социально-исторических коллизиях, в многостороннем и глубоком ее изображении.

Abstract: literary studies and literary criticism generally depict the connection of Aitmatov's writing with folklore, the influence of Russian literature, whereas the influence of literature, culture and creative heritage, history and ethnography of the national cultures similar in origin remained understudied. The problem of interaction and mutual influence of the traditions of the literary heritage of the Turkic-speaking nations, Kyrgyz and Kazakh in particular, is studied on the basis of Chingiz Aitmatov's and Mukhtar Auevov's writings. It's worth mentioning the role of the literary and aesthetic phenomenon of the "Put' Abaya" novel ("Abai's Way"), which epically and philosophically reflected socio-economic, spiritual and moral life of the Kazakh people of the second half of the XIX century, in the formation of Aitmatov's creative writing. This can be seen primarily in Aitmatov's global vision of the people's fate in different social and historical conflicts, and through its diverse and profound depiction.

Ключевые слова: взаимосвязи и взаимодействия тюркоязычных литератур; духовно-нравственные искания; литературное наследие; масштабное видение судьбы народа; общность принципов, приемов и средств психологического анализа; сравнительное изучение литератур; философское содержание судьбы человека; художественно-эстетический феномен.

Keywords: relationship and interaction of Turkic literatures; spiritual and moral quest; literary heritage; global vision of the fate of the people; common principles, methods and means of psychological analysis; comparative study of literatures; philosophical essence of a man's destiny; literary and aesthetic phenomenon.

УДК
821.512.154

Изменения, происходящие в настоящее время в стране и в сознании ее граждан, требуют пересмотра и переоценки многих проблем, поднимавшихся в произведениях художественной литературы. Среди них важная и многозначная – проблема взаимодействия и взаимовлияния традиций литературного наследия родственных народов. Из-за того, что в свое время не была взята во внимание эта проблема, уклонение лишь в одну сторону привело к однотипному мышлению. А сегодня все это стало актуальным. Без учета многосторонних связей и влияний невозможно дать научное обоснование и оценку процессу развития национальных литератур, творчеству того или иного писателя. Обращение к вопросу влияния творчества М. Ауэзова на творчество Ч. Айтматова даже в таком небольшом и кратком объеме – напоминание еще раз о том, что такая проблема существует. Естественно, необходимость многостороннего фундаментального исследования – это отдельный разговор. Пока оставившим след в этом направлении можно назвать исследование А. Акматалиева «Ч. Айтматов жана боордош элдердин адабияты» («Ч. Айтматов и литература братских народов») [1, с. 157]. Да, в быстром темпе развития творчества Ч. Айтматова, в достижении творческих высот роль русской и мировой литератур безусловна. И все же, для более полного понимания и раскрытия творческой индивидуальности писателя отсутствие достаточного внимания к наследию отечественного и, вообще, общетюркского литературного, культурного наследия и всей культуры, которые питали и поддерживали творчество Ч. Айтматова своим духом, придавая ему особый цвет, вид, дыхание, будет лишь препятствием.

В 60-70-е годы, если не считать небольших рецензий и статей, было выпущено более десяти монографий и других трудов, прямо или косвенно освещающих творчество Ч. Айтматова. (см. Ашимбаев Б. Чынгыз Айтматов. – Ф.: Мектеп, 1965; Гачев Г. Любовь, человек, эпоха. – М.: Сов. писатель, 1965; Селиверстов М. Откровения любви. – Ф.: Кыргызстан, 1965; Ондрей М. Многообразие в единстве литературы социалистического реализма. – ДК. – М., 1966; Асаналиев К. Открытие человека современности. – Ф.: Кыргызстан, 1968; Глинкин П. Е. Чингиз Айтматов. – Л.: Просвещение, 1968; Садыков А. Кыргыз совет адабиятында улуттук интернационалдык проблемасы. – Ф.: Илим, 1969; Лебедева Л. Повести Чингиза Айтматова. – М.: Худ. литература, 1972; Абдыкадыров А. Национальное и интернациональное в творчестве Ч. Айтматова. ДК. М., 1973; Коркин В. Человеку о человеке. – Ф.: Кыргызстан, 1974; Осмоловская И.В. Проблемы индивидуального стиля писателя. – М., 1974; Азизов М. Мастерство Чингиза Айтматова: Автореферат. – Махачкала, 1974; Расулова Г. Мастерство Ч. Айтматова в создании характера: Автореферат. – Алма-Ата, 1975). (Среди них есть и диссертации, посвященные творчеству писателя – Л. У.). В них не отрицается связь Ч. Айтматова с национальным художественным наследием, национальной почвой и это уверенно подтверждается различными аргументами. (В некоторых случаях такие литературоведы, как Г. Гачев, Н. Никипорец, М. Азизов чересчур утвердительно говорят о «крепких» связях Ч. Айтматова с фольклором). Да, в тех трудах можно обнаружить интересные, оригинальные наблюдения об активном присутствии в творческой стихии писателя элементов устного народного творчества, национальных истоков, с особым акцентом на факт бережного творческого обращения к фольклору. Однако основное внимание все же было кардинальным образом отведено в сторону решения проблемы влияния русской и мировой литературы на творчество писателя. И еще одна проблема – на втором плане оказались вопросы влияния литератур, культур, творческого наследия, истории, этнографии, языков народов, близких по происхождению, а также проблемы естественных, закономерных связей Ч. Айтматова с ними. А ведь, по правде говоря, тюркоязычные литературы, в том числе и кыргызская литература, породившая Чингиза Айтматова, имела связи со многими цивилизациями, которые уходят далеко вглубь своими корнями, и сегодня впитывает в себя традиции многих восточных, а также западной культур. В этом направлении несколько десятилетий назад, точнее говоря, в 1975 году, известным литературоведом Р. Бикмухаметовым было высказано мнение, которое с методологической точки зрения кажется верным. Он пишет: «Советской многонациональной литературе, достигшей великих свершений, чуть более пятидесяти лет, в состав же содружества входят литературы, история которых простирается в глубь веков. Это литературы, издревле входившие в орбиту европейских (славянских, романо-германских), классических восточных (персоязычных, тюркских, арабоязычных), центральных восточноазиатских культур. Стало быть, где-то позади стоят античные Греция и Рим, Византия, культура Ближнего Востока и Индии, Азии. Даже совсем юные словесности (сибирские, например, бурятская, дагестанская, скажем, аварская) своими культурными корнями уходят иногда в глубину столетий, где они активно связаны с древними цивилизациями и, конечно же, советская многонациональная литература является законной наследницей огромного многообразия возникших в различных исторических условиях в разные эпохи и философско-этических, эстетических жанрово-стилевых направлений и форм» [2, с.34]. Следовательно, нельзя художественно-эстетические истоки современного литературного развития ограничивать лишь вчерашним и последующим временем, ведь чем глубже искать, тем больше и интересней встречаются находки. Не зря с развитием научно-технического прогресса этот вопрос оказывается актуальным.

На V Всесоюзной тюркологической конференции, проведенной в 1988 году, так же звучали подобные мнения. Башкирский литературовед Р. Баимов отметил: «Многие жанры восточной литературы имеют свои параллели в европейских формах, поэтому необходимо сравнительное изучение особенностей жанров и поэтики, взаимодействия восточных и европейских литератур, включая и современный, советский период» [3, с. 392]. Вместе с тем, он остановился на том, что в многонациональной советской литературе в последующее десятилетие (речь идет о 70-х годах – Л. У.) происходит сближение национальных и национально-родственных литератур: «Более того, лучшие достижения многонационального советского романа (М. Ауэзов, Ч. Айтматов, М. Стельмах, М. Карим, М. Мухтар, А. Кешоков, О. Гончар и др.), как уже отмечалось, нередко рождаются именно на пересечении разноразличных многослойных традиций, без учета которых сегодня уже не представляется возможным объективно-научное и всестороннее изучение национальных литературных процессов, движения жанров» [3, с. 393]. Совершенно верное, научно обоснованное суждение. Если отставить в сторону все остальное, следует признать, что успеху айтматовских произведений способствовала и казахская литература, а в ней творческое и гражданское влияние великого казахского писателя Мухтара Ауэзова. Как тогда понимать, что умалчивалось то, в чем признавался сам Айтматов?

До настоящего времени при разговоре о влиянии тех или иных факторов на развитие творчества Ч. Айтматова исследователи (в том числе и я) обходили вниманием вопрос о влиянии творческого феномена великого художника слова казахского народа Мухтара Ауэзова на Чингиза Айтматова или же

не доводили до достаточного уровня решение этого вопроса. А по правде говоря, это важная проблема, требующая особо важного изучения.

Чингиз Айтматов всегда с гордостью произносил имя Мухтара Ауэзова, преклонялся перед его талантом, относился к нему с почтением [4, с. 122, 246; 5]. Он называл М. Ауэзова наряду с эпосом «Манас» символами своих народов. И это было сказано не ради красного словца. По своему происхождению Айтматов был истинно кыргызским писателем, в то же время мы не ошибемся, если скажем, что лучшие произведения Мухтара Ауэзова находились на одной идейно-эстетической высоте с русской классической и мировой литературой и служили в свое время ориентирами в творческих исканиях начинающего кыргызского писателя. Есть полное основание для утверждения, что произведения М.Ауэзова значительно повлияли на формирование художественно-эстетической концепции молодого Айтматова. Если рассматривать этот аспект, на мой взгляд, эпопея «Путь Абая» М. Ауэзова занимает особое положение. Нельзя не оценить роль художественно-эстетического феномена романа «Путь Абая», отразившего в эпическом масштабе и с глубокой философской глубиной социально-экономическую и духовно-нравственную жизнь казахского народа второй половины XIX века, свет этого феномена озарил повести и романы Чингиза Айтматова и нашел место в стихии его творчества. Это можно наблюдать, в первую очередь, в масштабном видении Айтматовым судьбы народа в различных социально-исторических коллизиях, в многостороннем и глубоком ее изображении. Для писателя являлась важной не внешняя сторона времени и обстоятельств жизни народа, он, подобно М. Ауэзову, устремлялся в глубинные слои айсберга, его притягивало и бытовое, и психологическое, и философское, и социально-экономическое содержание действительности, и он с интересом раскрывает его. В повести «Джамиля», взбудоражившей все народы мира и оставшейся в их сердцах, Ч. Айтматов одним из первых среди кыргызских писателей раскрыл внутреннее содержание прогнившего мира феодально-патриархальных отношений и взглядов, которые на протяжении веков были жизненной нормой кыргызского народа, связывая свободу человека, и прославил в образе Джамили новое сознание, порожденное социалистическим обществом. В социально-нравственных поисках Джамили слышится не только голос автора, но и всего народа, возродившийся в силу определенных социально-исторических условий. Мы видим в его последующих произведениях, как, превратив правду жизни в художественную правду, он создает подлинное искусство, гармонично сочетая творческое «я» с национальным и общечеловеческим прогрессивным сознанием. Далее, во-вторых, можно предположить, что для Ч. Айтматова при формировании им художественного характера был важен опыт и художественные принципы М. Ауэзова в создании образа крупной, могущественной личности. Дело в том, что М. Ауэзов никогда не изображал своих героев односторонне, их характеры складывались из многих граней. По глубокому убеждению корифея, только многостороннее, многогранное изображение «обеспечивает создание крупного, сильного характера» [6].

Прочитав, не выпуская из рук, «Путь Абая», молодой Айтматов в своей дебютной повести «Лицом к лицу» отказывается от принципа одностороннего изображения характера, имевшего место в кыргызской прозе, и создает противоречивый, сложный характер Сейде, поднимая его до уровня сильного характера, и то, что здесь есть заслуга романа-эпопеи Ауэзова, является неопровержимой истиной.

При создании романа «Путь Абая» М. Ауэзов основной художественной задачей избрал духовные поиски Абая Кунанбаева. Автор раскрыл значение деятельности Абая в истории казахского народа, отразил его принципиальную борьбу за социально-нравственные идеалы эпохи.

Влияние эпопеи «Путь Абая» на формирование художественной концепции Ч. Айтматова имеет и третью сторону.

Если проследить все движение от ранних произведений писателя до его романов и остановить внимание на том, как создавались образы героев, какова их человеческая сущность, то обязательно можно увидеть, что писатель, главным образом, берет на вооружение духовно-нравственные искания героя. Его герои, в каких бы социально-исторических условиях они не изображались, всегда борются за передовые идеи своего времени, это люди, которые сохраняют свое человеческое достоинство. Новые революционные идеи, новые начинания, рождающиеся на почве устаревшей, окаменевшей жизни, вырастающие на ней, не обходятся без ожесточенной борьбы и противоречий. Успех в этой борьбе обусловлен наличием социально-политического, морального, нравственного внутреннего мощного потенциала личности или коллектива, которые ставят целью победу передовых идей. Одно из бесценных качеств положительных героев Чингиза Айтматова заключается в их бескомпромиссной борьбе до конца за прогрессивные идеалы и, вследствие этого, обречении своей судьбы на трагичный исход. Я имею в виду образы Мальчика из «Белого парохода», Танабая из «Прощай, Гульсары!», Авдия Каллистратова из «Плахи», Филофея, Андрея Борка из «Тавро Кассандры». Из действий и поступков, мироощущений героев событий в этих произведениях писатель, с ювелирным мастерством собрав воедино их человеческие качества, создает из них огромный монолит и заставляет читателя поверить в его мощную силу. Духовно-нравственные искания таких героев Ч. Айтматова, как Сейде, Джамила, Танабай, Эдигей, Авдий происходят неспешно и не в геометрической прогрессии, а как у Абая, героя Мухтара Ауэзова,

развиваются в социально-исторической перспективе, в эволюции, психологической достоверности. Ч. Айтматов доводит до своего читателя философское содержание судьбы человека, порой с трагическим финалом, глубоко правдиво и жизненно, как подлинный мастер-художник, мудрый психолог.

Творческое влияние романа «Путь Абая» на формирование художественной концепции Ч. Айтматова можно увидеть в его стиливой манере изображения комплексной картины реальной действительности. Понятие «комплексная картина» я использую в широком смысле, и обращаю главное внимание на близость у двух талантов стиливых приемов в реалистическом изображении жизненных реалий. Названная проблема имеет много сторон и направлений. Даже если мне не удастся раскрыть данную проблему с научно-теоретической и практической точек зрения, все же мне хотелось бы остановиться на некоторых обстоятельствах, которые сильно заинтересовали меня. Замечено, что при изображении персонажей, раскрытии характеров в романе «Путь Абая» М. Ауэзов особое значение придает портретной характеристике. Из портретных деталей, для передачи характера человека, его психологического состояния в различных жизненных и психологических ситуациях, особенное внимание он уделяет выражению глаз, движению бровей, и такие описания в романе достаточно часты. На первых страницах романа дан такой портрет Кунанбая: «Высокий, крепкий, с седеющей бородой, Кунанбай даже не удостоил их взглядом своего единственного глаза, странно сверкающего на бледном, словно застывшем лице» [7, с. 27]. Спустя короткое время автор дополняет портрет Кунанбая и от имени юного Абая дает ему психологическую характеристику. «– Ты вырос и возмужал. Выросли ли твои знания, как ты сам? Насмешка это или сомнение? Действительно ли отец хочет знать о нем?.. С самых ранних лет мальчик привык следить за движениями бровей отца, – так опытный пастух следит за облаками в год джута, и за эту наблюдательность отец ценил его больше остальных детей. Сейчас было понятно, что Кунанбай думает совсем не о сыне, а о приближающихся всадниках». «У отца продолговатая, словно вытянутая, голова, напоминающая гусиное яйцо. И без того длинное, лицо его удлинится клином бороды; оно кажется Абаю равниной с двумя холмами, поросшими лесом бровей. Единственный глаз Кунанбая зорким часовым стал у левого холма – суровый, недремлющий страж... Он не знает отдыха, от него ничего нельзя утаить... Этот единственный глаз не прячется за веком; большой, выпуклый, он смотрит остро и зорко, точно пожирая все окружающее. Он даже моргает редко» [7, с. 35].

Для передачи характера Кунанбая и сущности его натуры М. Ауэзов использует множество портретных деталей, особенно, выражение глаз. Произведение богато различными событиями и, в соответствии с этим, изменения, происходящие во внутреннем мире Кунанбая с различными психологическими оттенками отражаются и в выражении и состоянии его единственного глаза, и этот неповторимый образ глубоко запечатлевается в памяти читателя. Так же богато и содержательно, однако предстающей в контрасте с отцом, дана судьба, биография Абая, то, как из простодушного мальчика он вырастает в носителя прогрессивных идей. И в образах, созданных Ч. Айтматовым, можно заметить, как автор вмещает в выражение глаз, этого зеркала души, целый мир переживаний, делая это художественным психологическим средством отображения характера, его человеческой сущности, его настроения.

Есть еще одно стиливое сходство, которое выражается в мастерстве изображения пейзажа. Чингиз Айтматов – истинный мастер перевоплощения природы в образ искусства, описывая природу, как и Ауэзов, он передает всю ее прелесть и ее дыхание, как она есть. Когда перечитываешь картины природы в произведениях Ч. Айтматова, чувствуешь, что писатель по-особому, остро воспринимает природу своего края, он рассказывает о каждом дереве, вьюнке, зверьке с душевным интересом, и это доставляет удовольствие. Эмоционально-экспрессивная окраска в передаче образов природы, животного мира вступает в гармоничную связь с изображаемыми современными актуальными проблемами общества, и это наполняет произведение социально-философской содержательностью. Одухотворяя природу, он раскрывает ее внутренние тайны, не видимые глазу и не слышимые простому уху, придает ей социально-нравственную сущность, и в этом нетрудно увидеть традицию Ауэзова в описании пейзажа. В творчестве этих двух замечательных писателей наблюдается тесная и гармоничная связь природы и окружающей действительности с жизнью человека.

Помимо тех моментов, упомянутых выше, следует отметить общность принципов, приемов и средств психологического анализа в творчестве двух писателей, и мы должны помнить, что и это, бесспорно, влияние романа «Путь Абая» М. Ауэзова. В то же время нельзя привязывать проблему влияния к стилю, формальным и содержательным сторонам произведений писателя, и таким образом вычеркивать их привлекательность. Самая важная и принципиальная сторона творческого опыта М. Ауэзова в деле формирования художественной концепции Ч. Айтматова заключается в том, что приобщает молодого писателя к великому опыту русского реализма, наравне с этим учит «европейскому необъятному, просторному мышлению и культуре».

Литература

1. *Акматалиев А. Ч.* Айтматов жана боордош элдердин адабияты. Ф.: Илим, 1988. 157 с.
2. *Бикмухаметов Р.* В контексте мировой литературы // Вопросы литературы, 1975. № 6. С. 34.
3. *Баимов Р.* Восточное влияние и мировая литература. Тюркология. – Фрунзе: Илим, 1988. С. 392.
4. *Айтматов Ч.* В соавторстве с землею и водою. Ф.: Кыргызстан, 1978. С. 122, 246.
5. *Айтматов Ч. М.* Ауэзов жөнүндө сөз // Советтик Кыргызстан. 1987, 29 сентябрь и др.
6. *Ауэзов М.* Мысли разных лет. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1961.
7. *Ауэзов М.* Путь Абая. Алма-Ата: Жазуши, 1987. С. 27.